

Ю. М. ШИПИЦИНА

О времени и о себе

Ю. М. Шипицина

О времени и о себе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23983909

ISBN 9785448512995

Аннотация

Как из бесчисленных ручейков собирается полноводная река, так из таких вот историй одной семьи складывается история всей страны. Юлия Михайловна Шипицина, уроженка Урала, волею судьбы ставшая настоящей сибирячкой, рассказывает «о времени и о себе».

Содержание

Истоки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

О времени и о себе

Ю. М. Шипицина

© Ю. М. Шипицина, 2017

ISBN 978-5-4485-1299-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Истоки

Есть на Урале живописное место с красивым названием – Писанец. Это село. Расположилось оно на взгорке. На самом видном месте – церковь. С одной стороны села – зеленые бескрайние поля, тянущиеся до самого горизонта, с другой – речка Ирбитка, спокойная, неширокая, на речке камень Писанец с наскальными рисунками, оставленными древними людьми, жившими здесь в незапамятные времена. За речкой лес. Когда-то в речке водилась рыба, а в лесу всякая живность. На лесных полянах собирали клубнику. Малины и смородины было видимо-невидимо.

Река Ирбитка

Это родина моих предков, здесь мои корни...

В этом селе жили мои бабушки и дедушки.

Там появились на свет мои родители: мама Василиса Фи-

липповна и отец Михаил Романович.

Мои бабушка и дедушка по отцовской линии: Наталья Павловна (~ 1880 г.р.) и Роман Анисимович (~ 1876 г.р.) Зырянны. Прозвище – Анисковы. И улица, на которой они жили, называлась Зырянской.

Были у них дети: Мария (1900 г.р.) – бабушкина дочь; Екатерина (1900 г.р.) – дедушкина дочь; общие дети: Михаил (1908 г.р.), Анна (1910 г.р.), Авдотья (1914 г.р.), Федора (1916 г.р.), Никита (1918 г.р.).

Михаил – мой папа.

Мои бабушка и дедушка по линии моей мамы – Акулина Сергеевна и Филипп Сергеевич Дудины, по прозвищу Бакаловы. В деревнях официальные фамилии (которые появились только в 18—19 вв.) в обиходе не использовались. А чаще представителя какой-то семьи называли по имени главы семьи (например, Борис – Борисята, Роман – Ромушкины, Савва – Савушкины, Степан – Степановых, Яким – Якимовых). Были прозвища, которые передавались из поколения в поколение.

Когда родились Акулина Сергеевна и Филипп Сергеевич – не знаю. Умерли в начале 30-х годов. Единственное, что знаю: Филипп Сергеевич был сиротой.

Анна Сергеевна с мужем (начало XX века)

Единственная существовавшая фотография Акулины Сергеевны не сохранилась. А вот фотография Анны Сергеевны (сестры ее) с мужем – пример того, как выглядели люди в начале XX века.

У Акулины Сергеевны и Филиппа Сергеевича были дети: девочки – Анна (1904 г.р.), Василиса (1908 г.р.), Агафья (1914 г.р.); мальчишки – Иван (1912 г.р.), Николай (1918 г.р.).

Василиса – моя мама.

Уклад жизни на селе в начале XX в. был таким же, как и по всей России – чтобы прокормиться, надо было работать

от зари до зари. Так и работали – пахали, боронили, сеяли, жали, косили, молотили, заготовливали дрова. Земли было маловато. Землю давали по наделам, по «душам». Но «душой» считались только мужчины – если появлялся в семье мальчик, то семье выделялся надел, если же девочка, то такого надела не давали. Мужских рук не хватало. В семье Зыряновых (Натальи Павловны и Романа Анисимовича) был только Михаил (младший сын Никита появился в 1918 г.), а у Дудиных (Филиппа Сергеевича и Акулины Сергеевны) – сын Иван (младший сын Николай родился тоже в 1918 г.). Поэтому девочки рано начинали работать в поле. Как только могли сидеть на лошади, так начинали боронить, а потом и хлеб жать, связывать снопы, работали и на молотье, ухаживали за скотом.

Девочки очень рано начинали прясть. Каждой надо было к замужеству приготовить приданое, поэтому пряли всю зиму. Летом работали в поле до поздней осени, а зимой при свете лучинок (электричества в деревнях не было) сидели и пряли. Чаще всего им некогда было ходить в школу. Так моя мама и осталась неграмотной. Ее все время заставляли прясть. Но это была необходимость.

Только благодаря тому, что много трудились, жили хоть и не богато, но не были «босяками». Вся одежда была из домотканого полотна. Ткали скатерти, рушники (полотенца). Их еще и вышивали очень красиво. Пришивали к этим рушникам кружево, связанное своими руками. О чем жалею –

было у меня несколько рушников, вытканых руками моей мамы еще в девичестве, очень красивых и ценных. Я их не сберегла, пришли они в негодность...

Моя бабушка, Наталья Павловна, кроме домашних дел, шила полушубки на заказ, а дедушка зимой занимался извозом. Ездил на ярмарку в Ирбит (знаменитую на Урале в то время не менее, чем Нижегородская в России), с ярмарки привозил соль, чай, сахар, иногда отрез ситца.

В хозяйстве было много домашнего скота (коровы, лошадь и т.д.), без этого прожить в деревне было невозможно. Трудились все время: надо было скот напоить, накормить, сена дать, коров подоить, телят обласкать. И не один раз в день. Да за ними всеми надо было еще и убрать, вычистить конюшни и стайки. Работы хватало. Не ленились. Долго не спали. Еще надо было и печи топить, и еду какую-то варить. Но только труд позволял жить «справно»...

Так и жили обе семьи в трудах и заботах.

И вот у Анисковых (Зыряновых) подрос юноша Михаил, а у Филиппа Сергеевича и Акулины Сергеевны – дочь Васёнка.

Михаилу приглянулась ладненькая Васёнка, и никого, кроме нее, он не соглашался сватать. Поженились они в 1927 году.

Гуляли целую неделю, стол был полон всякой еды. По этому случаю были заколоты теленок и поросенок. Молодые –

красивые и нарядные. На невесте «парочка» (юбка и кофта) из шура (ткань типа атласа), переливающегося от зеленого к фиолетовому. На женихе рубаха из того же материала.

Я помню эту мамину «парочку». Она хранила ее всю свою жизнь, сохранила до последних дней, и в гроб мы маму положили в подвенечном наряде. А папину рубаху перешили мне на кофточку, когда я училась в институте. До сих пор переживаю – что была за необходимость перешивать такую бесценную вещь?

Васёна и Михаил – мои родители

Жизнь в новой семье для Васёнки складывалась, по-видимому, счастливо. Она об этом часто вспоминала и всегда с теплотой. Да и с золовками (сестрами мужа) сохранились хорошие отношения до конца жизни. И Богу угодно было

сделать так, что в самые трудные часы, когда мама покидала этот свет, к нам пришла ее золовка, моя тетя Анна Романовна, которая и обмыла маму, и обрядила ее в последний путь. Я тогда была потрясена и благодарила тетку: «Это Господь тебя прислал именно сейчас».

А в то время (в 1928 году) золовкам было по 18, 14, 12 лет. У них никогда не было никаких «разборок» – кому что делать. Бабушка Наталья так вела домашнее хозяйство, что молодую сноху даже баловали. У мамы это время было, наверное, самое счастливое в жизни, но – увы! – очень короткое.

Мама рассказывала, что ее воспринимали как подростка и часто сравнивали с Никитой, папиным братишкой, которому в ту пору шел 11-ый год.

«Идем, – рассказывала мама, – рожь жать. Михаил с девками впереди. Мы с Никитой сзади бежим. А соседи говорят: – Вон Ромушкины в поле пошли, и *робетёшки* за ними бегут».

Тётя Дуня рассказывала, что мой папа, раз он был старший и мужчина, каждой из них давал задание, кому что надо делать. Например, жали. Жнут, жнут. Устали.

– Перекур.

Он спрашивает:

– Ну, Анна, сколько ты нажала? А ты, Авдотья? А Федора?

– А ты, товарищ? – говорил он, обращаясь к Василисе.

А она, подбоченясь, ему в ответ:

– Я тебе не товарищ, а Василиса да Филипповна.

В 1929 г. у моих родителей родилась дочь Зоя, но она прожила совсем немного, умерла. А в январе 1930 г. родился мой брат Анатолий, в котором дед Роман Анисимович «души не ведал». Да и тетки от него были без ума. Баловали и все время таскали на руках.

Михаил в армии (1930—1932 годы)

Осенью 1930 г. Михаила Романовича призвали на действительную службу. Василиса свою постель-перину убрала на чердак и, пока не вернулся Михаил, так и спала без постели.

Василису в это время мобилизовали на лесозаготовки,

несмотря на то, что у нее был маленький ребенок. Это тогда никого не интересовало.

Молодые женщины и хрупкие девчата зимой в мороз валяли лес, пилили дрова по пояс в снегу. Без теплой одежды – ее в то время просто не было. Современные теплые колготки, шерстяные рейтузы и термобелье никому даже присниться не могли. Они носили множество холщовых юбок, длинных и широких. Эти юбки от снега намокали, от мороза застывали колоколом. А на ногах... не сапоги или валенки! Нет – обутки с онучами (портянками, тоже холщовыми). Носков теплых не было. Мама всегда изумлялась, как ей тогда удалось выжить.

До образования колхоза жизнь в деревне была спокойной и размеренной, так как советская власть установилась там без особых потрясений. В 1930 году стали создаваться колхозы, и началось разорение крестьянских хозяйств. Дошел этот вал и до Писанца. Тетя Дуня рассказывала, что Роман Анисимович отвез на колхозный двор 300 пудов пшеницы (возил на двух лошадях), в колхоз отдали 2 коровы, лошадь, муку, заготовленную на еду. Из остатков муки, что осталась дома, Наталья Павловна испекла несколько калачей и раздала по одному Василисе, Авдотье, Анне и Федоре, один оставила себе.

Так пришел конец их хозяйству. Они остались ни с чем. В колхозе зерно поделили на всех, даже тех, кто никогда не работал и в колхоз ничего не принес. На трудодни ничего

не давали – просто нечего было давать. Следующий год был неурожайным. Начался голод.

Михаил Романович пришел из армии в 1932 году, работал какое-то время на Кировке пожарником, а потом вернулся в Писанец, его назначили бригадиром. Но дела в колхозе шли из рук вон плохо. Народ не хотел работать даром. Бригадир на собраниях все время ругали. А что он мог сделать?! Началось раскулачивание. Теперь-то официально признано, что на Урале кулаков не было. Были хорошие хозяйства у трудолюбивых хозяев.

Семью сестры Натальи Павловны вместе с маленькими детьми посадили в телегу и увезли в неизвестном направлении. Имущество забрали. А имущество-то все было – домотканые половики. И семья сгинула навсегда...

Народ из деревни побежал.

Но уйти из деревни было очень сложно. Паспортов в деревнях не было, а справку, удостоверяющую личность, просто не давали – так держали народ на привязи. Дуне (сестре Михаила) и Агафье (сестре Василисы) удалось достать справки. В сельсовете работал их знакомый парень, а они были молодыми бойкими девицами, они его и уговорили. На Кировке в то время открывалась шахта. Новой шахте присвоили имя Кирова, вот и весь поселок стал так называться. И они отправились на шахту в надежде заработать кусок хлеба. Первое время они ночевали под сосной... в буквальном смысле слова. А когда их приняли на работу, дали

койку в общежитии и талоны на питание, то (по словам тети Дуни) от счастья они были на седьмом небе. Стали работать, стали получать паек. Один они съедали на двоих, второй – берегли. За неделю скапливали какой-то запас и несли в Писанец кусочки хлеба: Дуня – в свою семью, Агафья – в свою.

В 1934 году в бригаду, в которой работала Дуня, понадобился каталь, и Дуня уговорила своего брата Михаила пойти на шахту. А ему в колхозе нечего было терять. Так вся семья: бабушка с дедушкой, мама с папой и мой брат Анатолий – все оказались на Кировке. Михаил и Василиса устроились на шахту. Жили на частной квартире, потом им дали комнату, в которой так и жили все: Наталья Павловна, Роман Анисимович, Михаил, Василиса, Анатолий, Агафья (сестра Василисы), Иван (брат Василисы). Но была работа, давали пайки. Получили земельный участок, на котором стали выращивать картошку. В 1935 году родилась я, в 1937 – брат Витя. Мама моя не стала работать.

В 1939 году задумали строиться. Дедушка Роман Анисимович получал землю и выбирал место, чтоб было недалеко от школы. «В случае какого лихолетья, – говорил он (со слов моей мамы), – чтоб робетешки могли добежать до школы и в плохонькой одежонке». Как в воду глядел – лихолетье уже было не за горами...

Это он перевез из Писанца сруб, заготовленный для летнего дома. А большой дом, пятистенок, добротный и красивый, остался в Писанце.

Сруб дедушка перевозил на лошади и часто в поездки брал с собой Анатолия. По словам тёти Дуни, он вообще везде его таскал за собой. Привязанность у них, видимо, была взаимной. (Когда Анатолий пошёл в школу, то на вопрос, какое у него отчество, ответил: «Романович»). Анатолий помнил эти их поездки. Сам рассказывал. Дни зимой короткие. Холод. Дед укутает ребёнка в тулуп, усадит в сани. И они едут по зимнему лесу. Анатолий помнил вой волков в ночи.

А я деда помню очень смутно, уже больного, тогда он в основном лежал на печке. Почему-то он всегда лежал с палкой, уперев палку одним концом в потолок, а вторым надавливал на живот.

Роман Анисимович Зырянов

Когда смотрю на фотографию деда, удивляюсь тому, что, оказывается, мой брат Виктор – почти копия деда, только дед на фото с бородой и старше. И ростом дед был примерно как

Виктор. Интересно, что Виктор никогда не ел кисель и свеклу. Оказывается, у деда были те же вкусы. Даже в тяжёлые времена, голодные, он не притрагивался к этим продуктам.

Нрав у деда (по словам его дочерей, маминых золовок) был суровый. Они его боялись. А моя мама всегда говорила, что Роман Анисимович был справедливый. Дело, видимо, в том, что мои тетки (мамины золовки) были медлительными до крайности, – это его раздражало. Сам-то он, видимо, был очень шустрый, работающий, раз в исправности содержал большое хозяйство.

Память, которую оставил после себя Роман Анисимович, – дом, мой родной дом, где прошло мое детство, а по сути, связь с домом и не прерывалась никогда.

И в доме ведь ничего почти и не изменилось за всю жизнь, только сменили крышу, когда-то покрытую тесом. Это было, когда брат Анатолий уже стал работать. А кровати, сколоченные дедом, заменили на современные, когда я стала работать. Пол покрасили, и то не весь, уже когда я была взрослой.

Мой родной дом – пос. Бурсунка, ул. Дальневосточная, 88

Мой неказистый старенький, такой родной дом, мое родное гнездо...

Всю жизнь меня тянуло домой. И когда я училась в Ирбите, в институте, ездила часто домой, иногда и зайцем на товарном поезде – лишь бы домой. И потом, работая в Мостовой, ходила почти каждую неделю домой. Топала по полям в полном одиночестве – лишь бы домой. Позже, уже из Иркутска, ездили часто на Урал, а с 1975 г. по 1999 г. я там проводила каждую осень. В начале 90-х так на Урале жила чаще, чем здесь, в Иркутске. Уже имела свою семью, свой дом, все равно поездки на Урал назывались «поехать домой».

Из этого дома проводила в последний путь свою дорогую маму. (Умерла она 8 ноября 1991 г., не пережив смерти сына, моего старшего брата Анатолия, он умер 28 ноября 1990 г.). Из этого дома похоронила и своего младшего брата Виктора, который не прожил и года после смерти мамы. (Он умер 5 ок-

тября 1992 г.). Виктор помыкался по жизни и вернулся в родной дом в 1990 г. перед смертью Анатолия. Из всего родного гнезда я осталась одна, и мне выпала горькая участь – прощаться с домом, что было так же тяжело, как проводы близких людей...

На похоронах Романа Анисимовича, 1940 год.

Крайние справа – Наталья Павловна и Михаил Романович.

На похоронах Романа Анисимовича, 1940 год.

В первом ряду: Витя (второй слева), Юля (третья слева), Толя (крайний справа); во втором ряду (слева направо): Федора Романовна, Василиса Филипповна, Евдокия Романовна, Екатерина Романовна, Анна Романовна.

...Весной 1940 г. умер Роман Анисимович, а осенью 1940 г. осудили и отправили на полгода на принудительные работы Михаила Романовича. Да! Опять все рухнуло. Сломалась жизнь семьи, которая только-только стала налаживаться. К этому времени Михаил Романович работал уже в шахте и какое-то время заменял бригадира. Задача бригадира была, кроме всего прочего, – следить за дисциплиной. Порядки в то время были строгие, а законы и того строже. За прогулы, например, отправляли в колонию на исправительные работы. Михаил не прогулял, не опоздал. Он, будучи бригадиром, позволил человеку, бывшему накануне

на дне рождения, приступить к работе. По правилам, существовавшим на шахте в то время, бригадир не должен был это делать. Но тому человеку грозили исправительные работы, и Михаил пожалел его, допустил до работы. А тот пообещал, что отработает смену как надо. Но фискалы – это не выдумка, не литературный прием. Они были везде. Был такой и в том месте в то время. Донесли. Проверка. Суд. Принудительные работы получил Михаил Романович. Его отправили на станцию Исток (где-то под Свердловском). Мама ездила к нему раза два на свидания, но мы отца уже никогда не видели. Срок наказания заканчивался в июне 1941 г. Мы считали дни, когда папа освободится, но началась война, и его отправили на фронт.

В 1941 г., в ноябре, когда немцы были уже под Москвой и Гитлер планировал провести парад на Красной пло-

щади, на защиту столицы были брошены дивизии сибиряков и уральцев. Так Михаил Романович, сражаясь под Москвой (возможно, в штрафбате), был ранен в левую ногу выше колена и ниже, о чем он сообщил домой в письме из госпиталя. Мы, дети, почему-то верили, что из госпиталя папа вернется домой. Помню, что выбегали в огород, там вдалеке, на горизонте, иногда проходили какие-то поезда. Мы кричали, махали руками, чтоб папа нас увидел, когда будет проезжать.

Его подлечили. Начался 1943 г. Битва за Сталинград. В этой битве мой папа пропал без вести. Бабушка его и Никиту, о котором вообще ничего не известно, ждала до конца своих дней. Были случаи, что через несколько лет после войны солдаты возвращались: кто из плена, кто из лагеря – плена, но уже советского. Эти обстоятельства вселяли надежду, и мама, да и мы, надеялись. Мама день памяти по папе стала отмечать 9 мая уже где-то в 90-е годы, а так все ждала...

...Моя мама, Василиса Филипповна. Васёнка, Васёнушка, Васёна, Васса...

И осталась в 1940 г. моя маленькая худенькая 32-летняя неграмотная мама без средств к существованию, без работы, с тремя маленькими детьми: Толе – 10 лет, мне – 5 лет, Вите – 3 года. На фотографии с похорон деда мы все там есть. Такими и были после ухода отца. А в поселке, кроме шахты, всех «учреждений» – школа и магазин. Но маму почему-то не брали на работу. (Сейчас-то понятно, почему).

Только благодаря тому, что за маму замолвила словечко

А. А. Сухова, ее взяли в школу уборщицей. Анна Александровна Сухова. О ней я вспоминаю с великой благодарностью. Она не раз оказывала нам (в частности, мне) неоценимые услуги. Вечная ей память!

Народ в посёлке, где мы стали жить, был разношёрстный: тут и вербованные на шахту, тут и репатриированные (в последние годы войны), солдаты наши, освобождённые из плена (их не отпускали домой, на шахте они отбывали наказание), тут и беженцы (хоть слова такого тогда не было). Аборигенов в посёлке не было. Народ, собравшийся с разных углов, и вообще народ «с Волги, с Вятки». Поэтому наши интересовались земляками. Писанские разбрелись по шахтам. И слово «писанский» было как пароль, то есть «наш» человек. (Конечно, писанские тоже были разные люди, и наши это понимали). Но «писанский» значит «писанский». Свой.

А бабушка Наталья Павловна родом была из села Шогрыш, в Писанец когда-то вышла замуж. Её село было очень далеко, связи с земляками не было. И вот обнаружилось, что учительница русского языка у моего брата Анатолия – внучка человека из села Шогрыш. И бабушка его знает. Этого было достаточно, чтоб принимать у нас Анну Александровну Сухову (это она была учительницей Анатолия) как родственницу. Она бывала у нас, ходила к нам в баню, они с бабушкой дружили, много разговаривали. Её содействие и помогло маме устроиться в школу уборщицей.

«Уборщица в школе». Сейчас любой, услышав это, скажет: «Ну и что? Работа как работа». Но не те были времена и не те условия.

Начальная школа №3 – это деревянное двухэтажное здание с печным (!) отоплением, без горячего водоснабжения. (Туалет, правда, был при здании, значит, была холодная вода). Уборщицы (а их было всего две) обязаны были, кроме мытья, протопить все печи. Не помню, сколько их было, но печи были в каждом классе двухэтажного здания. Никаких подсобных рабочих и в помине не было. Дрова пилили, кололи, таскали на второй этаж сами. Привозили эти дрова из леса большими хлыстами, и бедные женщины их пилили, кололи. Но это было полбеды. Дрова всегда были сырые. И они, конечно, не горели. Мы как-то старались маме помочь, но мы с Витей были еще совсем маленькие. А чув-

ство бессилия перед печкой, которая дымит и никак не разгорается, помню.

Я рано стала помогать маме мыть полы в школе, в которой всегда было холодно: печки топились плохо, на 2-ом этаже не стали учиться, его закрыли, печки там не топили, в школе от этого стало еще холоднее. Воду грели в огромных чанах на кухне, но пока с этой теплой водой дойдешь до класса, она остынет, намочишь тряпку вроде бы теплой водой – пол покрывается ледяной коркой, идешь снова за горячей водой.

Мама всегда была на работе, эти чертовы печи ее выматывали совсем. А ведь дома были дети, корова, огород...

Но с нами была бабушка Наталья Павловна, это нас и спасало.

Несколько лет мама поработала в школе, а потом перешла в магазин. И опять же: «Уборщица в магазине. Ну и что?». Но ведь не было и там никаких подсобных рабочих, ей приходилось таскать мешки с продуктами, ящики и топить печи с теми же проблемами. Единственное, что было здесь лучше: поменьше площадь, меньше печек. Но зато грязи было хоть отбавляй. Асфальта в поселке не было, грязь за ногами с улицы прямиком попадала в магазин. Мыли пол два раза в день. Это уже говорю со знанием дела. Не помню, были ли у мамы выходные, а то, что не было отпусков, – это точно.

С внучкой Надей, 50-е годы

Единственное, что позволяла заведующая Наталья Борисовна в знак особого к маме расположения – работать мне вместо мамы во время покоса. Это было уже когда я училась в институте. Мама с теткой Анной Филипповной (своей сестрой) и дядей Александром (мужем сестры) уходили на покос, а я работала в магазине за маму. Но это были уже 50-е годы.

А тогда, в войну и первые годы после войны, хлеб и какие-то продукты выдавали по карточкам. (Это не талоны 90-х годов). Чтоб получить паек, продавец от карточки отрезала талончик размером примерно 1 см × 1 см. Таких талончиков на карточке было 30 или 31 в зависимости от количества дней в месяце. Карточки были разного цвета: для кого норма 300 г — например, розовые; у кого норма 500 г – зеленые;

норма шахтера была 1 кг 200 г – у них другой цвет. А продавец отчитывался за каждый талончик. Для этого их наклеивали на листы бумаги по цветам. Работа была утомительной и трудоемкой. Продавщицы обычно не успевали справиться, задерживались до ночи на работе. Часто просили маму помочь им. Как-то даже я помогала. Маме доверяли. Я не помню случая, чтобы мама что-нибудь приносила из магазина. Только то, что получала на карточки. А карточки в войну – это все. Лишиться карточек – лишиться жизни.

Но самая тяжелая работа в магазине (в моем представлении) – стирка халатов. Это тоже была обязанность уборщицы. И продавцов в магазине было, по-моему, всего два, и продуктов не так уж много, но халатов было много, и они всегда были очень грязные. Отбеливающих средств не было никаких, о стиральных машинах тогда и не слыхивали. Стирали руками. Вначале мама приносила домой эти халаты и стирала дома, но для этого тратилось много дров, надо было таскать и вытаскивать много воды, поэтому мы с мамой стали ходить в общественную прачечную. В поселке была общественная баня, а при ней прачечная. А что такое прачечная в шахтерском поселке военных, да и послевоенных лет? Это не машины-автоматы – это корыто, стиральная доска и огромная лохань для полоскания белья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.